

ЗОЛОТАЯ МАСКА

Похоже, на сей раз Мариинскому театру, традиционно лидирующему на «Золотой маске» по всем оперным номинациям, придется потесниться на своем Олимпе. Мастерство труппы и масштабная мощь ее художественного руководителя и дирижера Валерия Гергиева по-прежнему вне конкуренции. Но в том, что касается постановочного искусства, доверие к эксцентричным опытам Йоханнеса Шаафа поставило театр в сложное положение.

«Золото Рейна» Р. Вагнера, «Дон Жуан» В.-А. Моцарта. Мариинский театр (С.-Петербург). Постановка Й. Шаафа

ПОСЛЕДНИЙ СВЕРХЧЕЛОВЕК

Наталья КОЛЕСОВА

Понятно страстное желание Валерия Гергиева обогатить афишу Мариинки «Кольцом нибелунга». Для этого он начинает последовательно, с «Золота Рейна» — пролога к тетралогии. Потом должны последовать «Валькирия», «Тангейзер» и «Гибель богов». С труднейшей задачей сделать действенным зрелищем тяжелую, переполненную звучанием всей группы духовых инструментов музыку «Золота Рейна» режиссер не справляется. Зритель, мучительно следя за непередаваемо запутанным сюжетом легенды о похищении волшебного золота карликом Альберихом и появлении кольца, дающего власть над миром, рискует пропустить вибрирующую прелесть вступления и виртуозность ансамблей. Некая современная условность постановки справедлива. Но реально радует только работа художника Готтфрида Пильца, поместившего древнюю сагу в мощные скалы, трансформирующиеся и подсвеченные драматическим светом.

Этим же путем пошел режиссер и в постановке «Дон Жуана». Но тут музыка Моцарта реально воспротивилась современной, на грани китча, трактовке оперы. В сущности, в спектакле много достоинств. Очень эффектно выглядит обнаженный женский торс, растерзанный и связанный, в качестве главного акцента сценографии. Отлично ведут свои партии молодой супермен Дон Жуан (Евгений Никитин, номинация «Лучшая мужская роль»), опустошенная красавица Донна Анна (Ирина Джигоева, номинация «Лучшая женская роль»), обаятельный и циничный Лепорелло (Ильдар Абдразаков), дивный лирический тенор Евгений Акимов (Дон Оттавио, жених Донны Анны). Оркестр наслаждается сам и щедро делится удовольствием с публикой, играя на контрастах между напряженными симфоническими эпизодами и журчанием клавесина, сопровождающего речитатив. Но идеологически спектакль Шаафа весьма прямолинеен, о чем свидетельствует, в частности, заставка на занавесе, копирующая хре-

стоматийные руки Адама и Создателя с плафона Сикстинской капеллы, тянувшиеся друг к другу и застывшие в этом вечном, никогда не завершающемся соеди-

нении порыве. Те, кто усматривает в жесте сексуальную подоплеку, могут расслабиться: спектакль повествует о человеке, возмнившем себя равным Богу.

Дон Жуан в трактовке Мариинки опьянен идеей свободы и вседозволенности, он бросает вызов морали и понятиям чести. С первой пролитой крови Командора

(Геннадий Беззубенков) герой вызывающе вступает на путь тотального зла. Тем более что убивает он старца не в честном поединке, а подло закалывает кинжалом.

Видимо, постановщика всерьез беспокоят идеи нищезанятия: его главный герой на вечный вопрос, имеет ли он право на убийство, отвечает утвердительно. В цинизме этот молодой, обезоруживающе сексуальный Дон Жуан не имеет равных. Его вседозволенность опирается на мафиозных молодцов в черном, явно списанных с натуры. В обаянии главному герою не откажешь, хотя наглая походка вразвалку в черных кожаных брюках его как-то упрощает. А уж с женщинами севильский обольститель обращается как-то совсем грубо. Он не хочет соблазнять, философия Казановы уже прочно забыта и слана в архив, где покрылась пылью. Он хочет попросту трахнуть и забыть. А полутрамотный Лепорелло запишет очередную жертву в книжечку. Но все дамы влюблены в Дон Жуана страстно и мучительно: его прощает обезу-

мевшая от подлости мужа Эльвира, к нему влечет обесчещенную Донну Анну, а уж дурочка Церлина просто летит в его объятия, как бабочка на огонь. «Неужели зло так привлекательно?» — спросим мы вслед за автором «Героя нашего времени».

Сцена прощального ужина, на которую приходит статуя Командора, решена грубо: на столе лежит полуобнаженная красота, а герой декорирует ее фруктами и марципанами. Уловив привет от Питера Гринуэя и его фильма «Повар, вор, его жена и ее любовник», я было решила, что красота уже мертва. Но тут девица ожила и повисла на шее у героя. К сожалению, постановочно гибель Дон Жуана ни в какое сравнение не шла с разразившейся в оркестровой яме бурей, катастрофой и красотой. Великий и ужасный Гергиев метал черные стрелы молний, и Моцарт, к счастью, подставил плечо режиссеру и сценографу. Ну а о том, что на смену сверхчеловеку пришли посредственность и пошлость, мы догадались, поскольку такова современная жизнь.

Этот Дон Жуан —
возмнил себя
равным Богу

